

РАЗДЕЛ I

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 327.39(4/5):316.75(2001/...)

DOI: 10.32340/2414-9101-2020-3-5-12

Б. Т. Джанибеков, кандидат философских наук
Киргизско-Российский Славянский университет (Бишкек, Киргизия)
bektursun58@list.ru

ЕВРАЗИЙСТВО – НОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ XXI ВЕКА?

Аннотация. Многочисленные преступления против человека и человечности, совершённые в XX веке тоталитарными режимами, породили стойкое общественное недоверие к любой идеологии, определяющей содержание массового политического сознания граждан. Несмотря на это идеология остаётся значимым элементом структуры воспроизводства социального бытия, потому что изучение феномена идеологии с позиций онтологического знания несёт в себе значительный эвристический потенциал. Политическая идеология, будучи важной частью мировоззренческой позиции индивида, оказывает существенное влияние на его социальную, политическую и этническую идентичность. В условиях становления информационного общества идеология может стать мощным инструментом продвижения экономических и политических интересов субъектов политического процесса, интеграционных идей.

Ключевые слова: идеология, информационная эпоха, функции идеологии, евразийство, евразийская идеология, государство, деидеологизация, реидеологизация.

Попытки осмысления и систематизации аналитического материала о таком социальном феномене как «идеология» предпринимались на всех этапах накопления философского знания с XVIII века. Впервые этот термин вводится в научный оборот французским исследователем А. Дестютом де Траси [1], который в ряде своих работ попытался концептуализировать его. Его видение идеологии заключалось в создании, выражении и распространении идей, которые должны были обосновывать социогуманитарные сферы жизни общества на научном уровне. А. Дестют де Траси идеологию ставил наравне с другими науками (физика, зоология, ботаника, математика и др.). На протяжении длительного времени термин использовался в двух значениях: науки об идеях и догматической теории, которая нереализуема в общественной жизни. В качестве науки идеология так и не состоялась, уже в XIX веке она воспринималась как псевдонаука с ложными знаниями. Так в работах Ф. Ницше идеология раскрывается как стихийно становящееся бытие, в котором движущей силой является стремление к власти. Причём это стремление не зависит от субъекта, оно есть проявление космического начала. Само стремление человека к власти лишено смысла, поскольку он хочет закрепить постоянство, но ничего постоянного ни в обществе, ни в природе попросту нет. Даже К. Маркс обращает внимание на идеологию как особые интересы определённого класса, которые представлены в качестве общественного мнения [2]. Ключевым становится положение о том, что общественное бытие первично по отношению к общественному сознанию.

Но уже с XX века отношение к феномену идеологии изменяется, на него обращают внимание Т. Парсонс, Д. Истон, М. Фуко и другие. Э. Гуссерль рассматривал в идеологии проявление эпохи, которое выражает духовную компоненту исторического этапа развития.

Глобальная идеология как основное идейное содержание XX века не случайно попадает в фокус социально-философской аналитики. Так, К. Манхейм предлагает типологизацию идеологии: частичная и тотальная. Частичная идеология, по его мнению, ведёт конкурентную борьбу с другими равными по распространённости ей идеологиями. Чаще всего эта борьба происходит в области политики, лоббирования и продвижения программных идей. Тотальная/глобальная же идеология является системой мировоззренческих взглядов больших социальных групп. Для получения положительного социального знания К. Манхейм предлагает отказаться от желания гомогенизации духовной сферы социума посредством идеологии, попытаться синтезировать частичные видения реальности, которые были уже осознаны в нечто целое. Исследователи обращают внимание на широкий арсенал средств манипулирования общественным сознанием и мнением, поэтому способы распространения идеологии в качестве инструмента пропаганды, процессы институализации идеологии начинают анализироваться в общественных науках как социальный феномен.

Марксистско-ленинская традиция в изучении идеологии обращает внимание на детерминированность идеологии от социально-экономического и политического развития общества. Рациональность такого аспекта изучения идеологии очевидна, поскольку он позволяет вычленив исторически сложившиеся системообразующие элементы и их преемственность на различных этапах становления. Взаимовлияние идеологии и философии как частей человеческого духовного бытия также привлекает внимание. При данном подходе философия выступает теоретическим стержнем идеологии, которая воспринимается как отдельная философская школа или новый современный формат религии.

Дальнейшее исследование феномена идеологии раскрывает структуру процесса общественного прогнозирования. Весь процесс представляется как последовательная смена концепций, соответствующих конкретному этапу развития социума, что в результате ведёт к формированию нового общественного порядка. Такого рода анализ позволяет детально изучить содержание идеологических доктрин. Однако проблематика места идеологии в структурах духовного и социального бытия продолжает разрабатываться в области онтологических свойств, причинно-следственных связей, критериальных характеристиках. Понимание феномена идеологии как субъективного способа выражения интересов определённой социальной группы встречается в работах М. Шелера, Э. Дюркгейма, М. Вебера, П. Сорокина и других. Разработка теории идеологических систем для западной науки становится одним из важных направлений работы.

В эпоху постмодернизма, с характерным ему недоверием к метанарративам мировоззренческих идей эпохи Просвещения, идеологию описывают как симуляционную модель социального (Ж. Бодрийяр), коннотативную систему, воспринимаемую как современный миф (Р. Барт), морфогенез культуры (М. Арчера), социальную топологию (П. Бурдьё), семиотическую природу идеологии (М. Бахтина), аутопойезис (Н. Лумана). Так, по мнению Р. Барта «человеческое существование невозможно без знаковой, искусственной реальности, без идеологии, так как сама действительность является идеологической» [3, с. 4]. Исследователи переключаются с объекта на субъекты идеологии, что привносит психоаналитический аспект в изучение феномена. С изменением угла зрения изменяется понимание того, что идеология не репрезентует действительность, а сама является действительностью, вернее, должна пониматься как идеологическая. Более того исследователи прибегают к терминологии психологии при описании идеологии (Л. Альтюссер). Она предстаёт как структура представлений бессознательного, вечных и неизменных социальных практик, направленных на установление социального контроля. Постмодернизм выдвигает науку и технику в авангард и потому они превращаются в идеологию (Г. Маркузе) или выполняют её задачи, добиваясь большего эффекта, чем прежние идеологии (Ю. Хабермас).

Идеология через свои идеализированные объекты передаёт социальным группам «истинное» знание сущности бытия, устройства мира, смысла человеческой жизни и её ценности. Ключевые

идеи идеологии задают правила коммуникации между её носителями в качестве категорических императивов. Социально-политическая практика XX века показала, как идеология может эффективно в кратчайшие сроки раскрыться посредством политических инструментов. Концентрируя в себе интеллектуально-духовное содержание общества, идеология вытесняет абстрактную теорию и внеидеологические социальные схемы. Идеология превращается в универсальный инструмент социальной коммуникации, который позволяет кодифицировать отношение к реальности социальных агентов через систему ценностей, способы её освоения и трансформации.

XX век в целом является особым периодом в постановке и исследовании проблематики идеологии: идеологизация, деидеологизация и реидеологизация массового сознания. Даже на современном этапе, когда человечество перешагнуло постиндустриальную ступень развития и перешло на информационную, актуальность изучения феномена идеологии сохраняется, несмотря на негативное отношение западной науки к любым идеологическим конструкциям. По мнению западных исследователей, идеология является субъективной реакцией на социальную реальность, которая основывается на эмоциональном отношении к объекту. Они подчёркивают, что в идеологии нет никаких когнитивных начал, и она является более или менее хорошо «собранной» системой ценностей и потому противопоставляется социальным и естественным наукам.

Однако, с нашей точки зрения, поворот к исследованию идеологии с позиций онтологии феномена без смещения в область политических технологий манипулирования общественным мнением имел бы эвристический эффект. Изучение идеологии как схемы и структуры социального воспроизводства с комплексом характеристик информационного общества выдвигается на самый пик исследовательской рефлексии в социальной философии. Если исходить с точки зрения, что идеология является частью мировоззренческой позиции индивида, которая детерминирует социальную, политическую и этническую идентичность индивида, то как она будет «работать» в информационном обществе? Одна из наиважнейших функций идеологии заключается в объединении людей на общих представлениях о мире, идеях, ценностях, которые формируют социальные практики, интерпретируют и реализуют их социальные знания. Информационно-коммуникационные технологии информационного пространства стирают границы между этничностью, языковой порог не преграда (огромное количество цифровых переводчиков), цифровые носители в режиме онлайн передают информацию, политические, экономические и культурные события. Идеология цифровой эпохи: какое может быть у неё содержание, социальный размах, идейная платформа? Новая цифровая реальность создаёт новые формы культурной идентичности, правила самоопределения и социализации в системе культуры. В ней предлагается широкий спектр возможных ценностных ориентаций и образов жизни, которые определяются выбором конкретного формата информационного обмена. Особенностью информационного обмена в новых условиях является отсутствие или слабость влияния политической, религиозной, этнической и культурной специфики на восприятие социальной реальности.

Исследовательница Н. П. Лукина отмечает специфическую черту идеологизированного сознания – его мифологизм. По её мнению, современное общество, как и традиционное, не избежало этого явления. Оно отражается в воспроизводстве устойчивых стереотипов социальности, в определённой архаике правового сознания, искусства и знания. «В своей принципиальной замкнутости идеологический миф претендует на универсальность и на право окончательной интерпретации социальных событий» [4, с. 7–8]. Для того чтобы понять, чем обусловлена общественная потребность в идеологии, необходимо рассмотреть функциональную нагрузку этого явления в воспроизводстве социальной реальности.

Идеологическая платформа формируется в условиях социального кризиса. Задача идеологии найти простой и универсальный способ организации социальной силы общества и её мобилизации, она должна выражать специфическую самость социума. Поэтому идеология легитимизирует социально-экономического и политического режима общества через артикуляцию универсальных идеологем. Каждая идеологема раскрывается посредством символов, которые несут в себе смысловую нагрузку. Они особенно эффективно работают при государственной поддержке, поскольку

интерпретируют историческое прошлое, анализируют настоящее и строят перспективы будущего в контексте политической деятельности государства. *Мобилизация* идеологией обеспечивается через ряд мероприятий, которые обеспечивают готовность социальных субъектов к политическим действиям. Прежде всего, это агитационные и пропагандистские инструменты, а также формирование убеждённости идеологических идеалах доктрины. Поскольку идеология всегда оперирует конкретным историческим содержанием прошлого социальной общности, то его интерпретация очень важна. *Манипуляция* обеспечивает идеологии производство информации специфического рода, её передачу и распространение. Урбанизация, развитие средств массовой информации, технологические инновации и единое информационное пространство становятся уникальными полями применения манипуляционных действий. Более того в современных условиях манипулирование информацией стало эффективным инструментом информационной войны, нового феномена информационной эры.

Следующая базовая функция идеологии – интегрирующая. Социально-политическая идеологическая доктрина должна объединить стремления социальных групп и общностей в целостную социальную систему. Для этого необходимо найти объединяющую идейную платформу (ценности, религия, этничность), которая убедит индивидов отказаться от части своей индивидуальной независимости в пользу социального единства. Исследователи акцентируют внимание на иллюзорности равноправия субъектов идеологической интеграции, поскольку в идеологии всегда присутствует доминирующий субъект, который присваивает себе роль творца доктрины. Стремление социальных индивидов к интеграции является ещё одним характерным звеном жизнедеятельности человеческого общества современности: «многообразные виды массовой деятельности, которые объективно требуют не уникальности личности, а её способности поддерживать коллективные виды деятельности, и, следовательно, уравнивания индивидов, формирования у них сходных, одинаковых свойств» [5, с. 2]. Социальный идеал, заложенный в основу идеологии, уже содержит в себе определённый социально одобренный порядок, критерии для руководства в повседневной жизни, ясный план и сроки достижения цели. Однако индивидуальное творчество и воля в идеологии также приветствуются, потому что её способность поддерживать коммуникационные связи и оправдывать социальные ожидания является не менее важной. Именно в этом секторе социального бытия и заложен механизм обновления идеологии, её воспроизводства в повседневных интерпретациях.

Функция унификации идеологии позволяет индивиду преодолеть одиночество, почувствовать себя социальной единицей, которая является не частью целого, а сама является целым. Это чувство поднимает самооценку социального субъекта, восстанавливает утраченные социальные связи и ощущение коллективности. Унификация устанавливает единый порядок, единую систему стандартов социального поведения. В крайней точке реализации функции унификации идеология требует отказа от индивидуальности. Особенно эффективно она срабатывает в условиях кризиса мобилизационного капитала и снижения коммуникационных связей. Ощущение личностной маргинализации и утрата коллективного толкают индивидов к восстановлению утраченных связей.

Идентификация в идеологии выступает в качестве единства с социальной самостью. Реализация этой функции предполагает готовность индивида стать проводником социальной миссии, как она формулируется в доктрине. Идентификация реализуется через совместную деятельность членов общества по реализации этой миссии, которая выражается в расширении пространства географического и социального. Идеологическая экспансия обеспечивает устойчивость политического пространства и его упорядоченность.

Идеология оказывает мощный стимул в преодолении дефицита жизненных смыслов и личностного конфликта с социальной реальностью. Эту психологическую функцию называют компенсаторной. Исследователи предполагают, что между психологическим состоянием социума и доминирующей идеологией существует прямая связь. Идеология мотивирует социального актора на достижение целей, через которые проявляется его социальная значимость. Однако в ситуациях, когда идеология используется только для поддержания установившегося режима, она формирует

конформизм и пассивность (М. Хоркхаймер) [6]. Можно выделить ещё несколько функций, которые выполняет идеология (изолирующая, структурирующая, гносеологическая) [7], которые определяют картину мира и места индивида и социума в нем. Но в рамках нашего исследования будет присутствовать определённая избыточность её функциональной составляющей. Поэтому мы не станем далее углубляться в этот аспект феномена идеологий.

Такие характеристики информационного общества, как постоянное обновление информационных технологий в производственной, экономической, социальной и политической сферах жизнедеятельности, рост влияния информации и связанное с этим формирование информационного сознания, превращение информации в ресурс товаров и услуг, свобода доступа к информации государственных органов через проекты электронного парламента, правительства, демократии, задают специфические форматы потенциальной реидеологизации. Сегодня можно вполне обосновано говорить о тенденциях в этой области: рыночные критерии станут применимы в информационной сфере (блогеры и пользователи интернета в состоянии зарабатывать миллионы долларов в год), уже сейчас ощутимо информационное неравенство, которое углубляет социальное неравенство, господство транснациональных корпораций на мировом рынке, усиление глобализационных процессов [8, с. 130]. Дробление и диверсификация информационного пространства предоставляет условия для оформления идеологических проектов. Интернет и социальные сети дают возможность в любой момент суток выйти на неограниченное количество пользователей и актуализировать свои предпочтения и найти (!) сторонников в любой точке планеты, организовать совместные выступления или скоординировать свои действия. Пока это гипотетическое предположение, но публичное пространство и набор опций в социальных сетях свидетельствуют, что технических ограничения в достаточно скором времени перестанут быть препятствием.

Идеология информационной эпохи не будет иметь концептуальной строгости, она станет гибридной. Исторически сложившийся плюрализм образов жизни народов планеты, особенности их исторического и экономического развития, формирование разных социальных групп со своими уникальными социальными запросами объективно затрудняют кристаллизацию идеологического концепта, который опирался бы на предшествующий опыт отдельного или группы социумов. Именно поэтому идеология эры информации должна синтезировать все привлекательные черты *разных* идеологических доктрин.

Ещё одна достаточно специфичная черта информационного общества, которая может оказать влияние на реидеологизацию – узкая, локальная адресация. Она будет обращена на решение отдельных ограниченных во времени и пространстве проблем, которые не будут затрагивать основ устройства общества. По мнению Д. Руденкина и А. Логинова, условия для формирования идеологий существуют: «В первую очередь она проявляется в разном режиме конструирования и вербализации тех систем убеждений, которые являются основой идеологий» [9, с. 12].

Парадоксально, но исследователи выявили, что неидеологического положения социального субъекта в обществе не существует. Социальные институты построены и функционируют в соответствии с общественными, материальными и духовными потребностями индивидов. Их воспроизводство обеспечивается системой идеологических (мировоззренческих, ценностных и иных) отношений. Идеология как система социальных норм, ценностей воздействует на социализацию и интерпретацию общественных процессов и явлений. Поэтому попытки освободиться от идеологических рамок являются скрытыми попытками манипулирования и распространения тех же идеологических установок, но в более мягких формах. Она служит социальным ориентиром и частью государственной стабильности, позволяет индивиду ориентироваться в социальном пространстве. Кстати одна из таких попыток реидеологизации была предпринята в киргизском обществе в 1990-ые годы: семь заповедей Манаса. Поскольку эта попытка так и не прошла все этапы необходимой институализации и апробации в качестве доктрины, то она так и осталась незавершённой по сей день.

Мировая практика показывает, что успешное социальное развитие общества невозможно без идеологически обоснованной платформы, которая определяет его направленность. Более того со-

циальное развитие социума неспонтанно, оно детерминировано влиянием государственного аппарата и ценностной системой, называемой идеология. Социальная идеология структурирует государственное управление, гармонизирует интересы общества и государства, оптимизирует процессы социального развития.

Успешное управление развитием общества складывается под влиянием ряда факторов: идеология, культура, экономика, государственное управление, внутригосударственная социальная система, стратегическое планирование и согласование магистральных интересов социума и государства. Социальная идеология играет роль мобилизирующего фактора, который консолидирует общество и влияет на принятие целесообразных решений по дальнейшему развитию государственными структурами. Социальная идеология выражает взгляды всех слоёв социума. В наше время наиболее распространёнными идеологиями продолжают оставаться ценности либерализма, консерватизма, социализма и их модификации. И. Валлерстайн вопреки большинству западных исследователей убеждён, что ценности буржуазного общества (либерализма) находятся в кризисе и мир стоит на пороге появления нового миропорядка [10]. По его мнению, либерализм возникает как оппозиция консерватизму, социализм как оппозиция либерализму [10, с. 79]. Но он отмечает особую приверженность идеологий к государственной машине: «Социалисты утверждали, что государство воплощает в себе всеобщую волю. Консерваторы полагали, что государство защищает от всеобщей воли традиционные права. Либералы считали, что государство создаёт условия, позволяющие личности оптимально использовать свои права» [10, с. 86].

Одной из идеологий, которая с уважением относилась к нерастраченному потенциалу государства, было евразийство. Возникновение евразийской идеологии приходится на начало XX века, мы бы сказали, что это была реакция на социально-экономические и социально-политические потрясения, которые происходили в российском государстве. Идеологи раннего евразийства предупреждали, что ни её приспособление к общечеловеческим ценностям либерализма, ни изменение политического строя русского государства не снимут напряжение и противостояние с Западом.

К ключевым положениям евразийской идеологии относятся идеи о замкнутом, самодостаточном пространстве, обособленном географически и культурно (границы восточной культуры и православия); геополитическое сознание, которое чётко определяет Россию как Евразию [11, с. 47], а Европу как врага. Евразийской идее присущ мессианизм, сторонники евразийства разграничивали сферы влияния церкви (соборное единство) и государства (единство нецерковного мира). Государство обращается, конечно, к духовному наследию церкви, но конкретизирует и реализует общественные идеалы в мирской сфере. В евразийской трактовке «государство правды» решает задачи по сохранению православия как духовного источника, возвращения «правды» в общество (правда в контексте веры), противостояние доминированию материальных благ над духовным устремлением индивидов. С точки зрения евразийства истинная идея есть смысл действительности, но критерии истинности так и остались нераскрытыми в этой доктрине. Идеократия как культурная деятельность евразийского социума в рациональной и бессознательной формах, в основе которой лежат духовное самосознание и социальный опыт правящей группы.

Новая идеология (евразийство) ориентирована на конкретную социальную действительность. Носителем этой идеологии становится особая партия, которая является союзом государственной воли и общественного идеала. Партия имеет свой аппарат, не совпадающий с государственным и определяющийся «не функцией управления, а идеологией» [12, с. 52]. Идеологическая элита осуществляет «правлящий отбор», который определяет тип государственного устройства и тип социальной культуры в целом. Политическая культура, предлагаемая евразийским форматом, во многом, по признанию самих евразийцев, напоминает орден. Представители элиты остаются во внепартийном положении, но должны встраиваться в существующие политические структуры для того, чтобы руками новой власти построить своё государство [13]. Евразийское «демотическое» государство представлено как органическое целое, где власть опирается на носителей государственного порядка. С позиций сегодняшнего дня – корпоративизм. Причём каждая социальная

группа государства выполняет социально-идеологические функции. «Демотические» части политического режима действуют в форматах народных обсуждений и дискуссиях. При всем идеократическом характере евразийского государства власть все же избегает принудительного религиозного или философского внедрения идеала в действительность. Она стремится сформировать общественное мнение, а нормирование и запреты реализуются через физическое принуждение (должно быть минимальным) и систему власти-подчинения. Для евразийцев власть сакральна, у неё духовные черты.

В евразийской идеологии все аспекты жизнедеятельности общества вращаются вокруг власти государственной. Государство отождествляется с церковью, культурой.

Евразийство стало питательной средой для различных общественно-политических течений постсоветского периода. Его идеологические положения были приняты различными политическими партиями и общественными движениями. Причём определились характерные черты евразийства конца XX и начала XXI веков: антизападничество (антиатлантизм), геополитическое обоснование специфики евразийского пространства и народов, населяющих его.

Современное общество стоит в сложной ситуации, в которой наблюдается разрыв в культуре в аспекте идеологии. Старые идеологии теряют былую актуальность. Новые идеологии находятся только на стадии формирования, где решающими факторами станут новые масс медиа, увеличение скорости и форм коммуникации, культура постмодерна. Идеология евразийства испытала определённые трансформации, которые были обусловлены новыми социально-экономическими и социально-политическими реалиями, но она оказалась вполне адекватной в условиях современности. Реализуемый интеграционный региональный проект по созданию экономического евразийского пространства говорит о перспективах идеологического оформления (в аспекте культурно-духовных ценностей) отношений государств Евразии.

Список литературы

1. Дестют де Траси, А.-Л.-К. Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова / пер. с фр. Д. А. Ланина. – Москва : Академический проект : Альма Матер, 2013. – 334 с.
2. Маркс, К. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Москва : Политиздат, 1988. – 574 с.
3. Шаов, А. А. Теоретические основания феномена идеологии: социально философски анализ // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2011. – № 1. – С. 1–8.
4. Лукина, Н. П. Специфика онтологического поворота в исследовании идеологии информационного общества // Гуманитарная информатика. – 2007. – № 3. – С. 5–19.
5. Фетисова, О. В. Массовое сознание и его трансформация в современном российском обществе // Известия высших учебных заведений. Северокавказский регион. Общественные науки. – 2017. – № 4. – С. 2–5.
6. Хоркхаймер, М. Диалектика просвещения / М. Хоркхаймер, Т. Адорно ; пер. с нем. М. Кузнецова. – Москва ; Санкт-Петербург : Медиум, Ювента, 1997. – 312 с.
7. Равочкин, Н. Н. Идеология как фактор трансформации современной общественной жизни : автореф. дис. ... канд. наук: 09.00.11. – Красноярск, 2016. – 23 с.
8. Федоренко, И. Н. «Информационное общество»: теория, идеология и государственная политика в России // Интернет и современное общество : тр. IX всерос. объединённой конф. (Санкт-Петербург, 14–16 нояб. 2006 г.). – Санкт-Петербург : Ун-т ИТМО, 2006. – С. 129–132.
9. Руденкин, Д. Идеология в обществе позднего модерна: исчезновение или трансформация? / Д. Руденкин, А. Логинов // Социологическое обозрение. – 2018. – Т. 17, № 3. – С. 197–220.
10. Валлерстайн, И. После либерализма. – Москва : Едиториал УРСС, 2003. – 253 с.
11. Исаев, И. Евразийство: идеология государственности // Общественные науки и современность. – 1994. – № 5. – С. 42–55.
12. Руднев, В. В. Евразийство // Современные записки = Annales contemporaines. – 1927. – № XXX. – С. 583–592. – URL: http://journals2.rhga.ru/journals/nums.php?SECTION_ID=1313 (дата обращения: 12.01.2020). – Рец на кн.: Евразийство : Опыт систематического изложения. – Париж ; Берлин : Евразийское книгоизд-во, 1926. – 77 с.
13. Алексеев, Н. Н. Евразийцы и государство // Евразия: инфо.-аналит. портал : [сайт]. – 2008–. – URL: <http://evrazia.org/modules.php?name=News&file=article&sid=792> (дата обращения: 12.01.2020).

Bektursun T. Dzhanibekov, Ph. D. in Philosophy
Kyrgyz-Russian Slavic University (Bishkek, Kyrgyzstan)
bektursun58@list.ru

IS THE EURASIANISM A NEW IDEOLOGY OF THE 21ST CENTURY?

Abstract. Numerous crimes against humanity committed by totalitarian regimes in the 20th century triggered strong public distrust to any political ideology that defines mass political consciousness. Besides of it, an ideology still is significant structural element of reproduction of social beingness, and because of it learning of an ideology phenomenon from the points of view of ontology has some considerable heuristical potential. A political ideology as a substantial part of a person's worldview positions has noticeable influences on his or her social, political, or ethnic identity. In information society, an ideology can be considered as a powerful tool for promoting economic and political interests of political life actors, their integrational ideas and projects.

Keywords: *an ideology, information society, functions of an ideology, the Eurasianism, Eurasianism ideology, a state, end of an ideology, re-ideologization.*

УДК 316.722(470+571+571.1/.5):327.5(4/5)

DOI: 10.32340/2414-9101-2020-3-12-20

А. В. Иванов, доктор философских наук, профессор
Алтайский государственный аграрный университет (Барнаул, Россия)
ivanov_a_v_58@mail.ru

С. М. Журавлёва, кандидат философских наук, доцент
Алтайский государственный аграрный университет (Барнаул, Россия)
jurav27@yandex.ru

БОЛЬШАЯ ЕВРАЗИЯ: ПОНЯТИЕ, ВЫЗОВЫ, ЗАДАЧИ РОССИИ И СИБИРИ

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований и Экспертного института социальных исследований (проект № 20-011-31304)

*«Сибирь для всей России:
основания и механизмы духовно-экологической цивилизационной трансформации»*

Аннотация. С позиций цивилизационного подхода проанализированы смысловые нюансы содержания геополитического термина «*Большая Евразия*», вошедшего в научный оборот после программной декларации генерального секретаря ЦК Коммунистической партии Китая Си Цзиньпина (представлена в столице Казахстана в 2013 г.) о старте международного проекта «*Экономический пояс Шёлкового пути*», нацеленного на создание тесно интегрированного евроазиатского экономического пространства и системы трансконтинентальных транспортных (сухопутного (железнодорожного) и морского) коридоров. Согласно точке зрения авторов статьи, Большая Евразия включает в себя вступающие в период интенсивной интеграции мегацивилизации Востока и Северной (Внутренней или «*малой*») Евразии, к которой принадлежит Россия. В статье охарактеризован перечень ключевых вызовов и проблем, с которыми сталкиваются государства, претендующие на занятие лидерских позиций в региональных интеграционных процессах (Китай, Россия); проанализированы текущие задачи России и Сибири в современных крупных геополитических проектах Евразии.

Ключевые слова: *Большая Евразия, Северная («малая») Евразия, Россия, Сибирь, мегацивилизация, интеграция, цивилизационный подход, проект «Экономический пояс Шёлкового пути».*